

УДК 81-114.4

<https://doi.org/10.36906/2500-1795/22-1/08>

Хомиченко О.В.

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Аннотация. В настоящей статье мы исходим из того, что понятие «лингвистическая экспертиза» можно рассматривать в двух аспектах, лингвистическом и правовом. Различение указанных аспектов важно, как в научном, так и в практическом смысле, поскольку на каждом из этих уровней лингвистическая экспертиза различается по задачам, методам и методикам, объектам исследования и статусу субъекта исследования. Лингвистическая экспертиза как процесс исследования языковых феноменов, неразрывно связанный с новыми знаниями о языке, имеет эвристический, инициативный, изыскательский характер, поэтому не способна решать конкретные экспертные задачи. Разграничение лингвистического и юридического уровней в судебной лингвистической экспертизе обеспечит соответствие результата исследования требованиям относимости, допустимости и достоверности, предъявляемым законом к доказательству. Сущность судебной лингвистической экспертизы раскрывается через понятие специальных лингвистических знаний. Под специальными знаниями традиционно понимаются знания, полученные в результате профессионального образования (обучения) и практического опыта, выходящие за рамки общеобразовательной подготовки и житейского опыта, знания, не являющиеся общеизвестными и общедоступными, не имеющие всеобщего, массового распространения, которыми располагает ограниченный круг сведущих людей, получивших специальную подготовку. В результате влияния научных знаний на повседневную жизнь людей и развития общества соотношение общеизвестных и специальных знаний постоянно меняется. Совокупность специальных знаний определяет границы экспертной специальности в рамках профессиональной подготовки экспертов. В настоящее время обычным делом стало использование в следственной и судебной практике неквалифицированных и недобросовестных лингвистических экспертиз, авторы которых, не располагая специальными знаниями и не владея методикой и процедурами экспертного анализа, выносят суждения по вопросам, от которых зависят человеческие судьбы.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, процессуальное законодательство, специальные знания.

Сведения об авторе: Хомиченко Оксана Викторовна, ORCID: 0000-0002-9218-7719, магистрант, Нижневартровский государственный университет, Россия, г. Нижневартовск, khomichenko.ov@gmail.com

Khomichenko O.V.

THE CONCEPT AND ESSENCE OF FORENSIC LINGUISTIC EXPERTISE

Abstract. In this article, we proceed from the fact that the concept of "linguistic expertise" can be considered in two aspects, linguistic and legal. The distinction of these aspects is important both in a scientific and practical sense, since at each of these levels linguistic expertise differs in tasks, methods and techniques, objects of research and the status of the subject of research. Linguistic expertise as a process of studying linguistic phenomena, inextricably linked with new knowledge about the language, has a heuristic, proactive, exploratory nature, therefore it is not able to solve specific expert tasks. The differentiation of linguistic and legal levels in forensic linguistic expertise will ensure that the result of the study meets the requirements of relevance, admissibility and reliability imposed by law on evidence. The essence of forensic linguistic expertise is revealed through the concept of special linguistic knowledge. Special knowledge is traditionally understood as knowledge obtained as a result of professional education (training) and practical experience that goes beyond general education and everyday experience, knowledge that is not well-known and generally available, does not have universal, mass distribution, which is available to a limited circle of knowledgeable people who have received special training. As a result of the influence of scientific knowledge on people's daily lives and the development of society, the ratio of well-known and specialized knowledge is constantly changing. The totality of special knowledge defines the boundaries of an expert specialty within the framework of professional training of experts. Currently, it has become commonplace to use unqualified and unscrupulous linguistic expertise in investigative and judicial practice, the authors of which, without special knowledge and without knowledge of the methodology and procedures of expert analysis, make judgments on issues on which human destinies depend.

Keywords: linguistic expertise, procedural legislation, special knowledge.

About the author: Khomichenko Oksana Viktorovna, ORCID: 0000-0002-9218-7719, master's student, Nizhnevartovsk State University; Russia, Nizhnevartovsk, khomichenko.ov@gmail.com

Хомиченко О.В. Понятие и сущность судебной лингвистической экспертизы // Нижневартровский филологический вестник. 2022. №1. С. 86-98. <https://doi.org/10.36906/2500-1795/22-1/08>

Khomichenko, O.V. (2022). The Concept and Essence of Forensic Linguistic Expertise. *Nizhnevartovsk Philological Bulletin*, (1), 86-98. (in Russian). <https://doi.org/10.36906/2500-1795/22-1/08>

Особенностью языка юриспруденции является многозначность одних терминов, а также отсутствие определения других терминов в нормативно-правовых актах. Например,

термин «семья» имеет различное значение в семейном и жилищном законодательстве, термин «защита» употребляется в разных смыслах в уголовном и гражданском процессе. В связи с этим актуальным является уточнение значения основных понятий судебной лингвистической экспертизы в лингвистическом и юридическом аспектах. Это поможет в решении типовых задач судебной лингвистической экспертизы и в целом может быть востребовано в практике судебного процесса по делам о безопасности общения в Интернете, о защите чести и достоинства личности, противодействии терроризму и экстремизму.

Для раскрытия понятия лингвистической экспертизы в лингвистическом аспекте мы обратились к работам признанных авторитетов в области филологии, разрабатывающих различные аспекты лингвистической экспертизы.

Е.И. Галяшина приходит к выводу, что лингвистическая экспертиза в широком смысле обозначает «разнообразные прикладные языковедческие исследования» (Галяшина 2021: 16). Она направлена на поиск, получение и применение новых знаний о языке для развития науки лингвистики, изучающей систему языка, правила его функционирования и развития, а также для сравнения языков в целях определения генетических и типологических связей между ними.

А.Н. Баранов также не приравнивает область лингвистических экспертиз исключительно к экспертизам в судебной сфере, понимая под лингвистической экспертизой «зафиксированное в той или иной форме (в письменном документе, устной консультации) мнение лингвиста о тех или иных языковых феноменах» (Баранов 2009: 11).

Проанализировав работы таких специалистов в лингвистике, как Н.Д. Голев, К.И. Бринев, Е.С. Кара-Мурза, мы можем сделать вывод, что они рассматривают лингвистическую экспертизу в широком понимании как любой анализ текста с использованием лингвистом знаний о функционировании языка (Голев 2002: 15, Бринев 2013: 34, Кара-Мурза 2009: 48: 15).

Таким образом, лингвистическая экспертиза с точки зрения учёных – это процесс исследования языковых феноменов, неразрывно связанный с новыми знаниями о языке, имеющий такие признаки научного направления, как эвристический, инициативный, изыскательский характер.

Обладая указанными характеристиками, теоретическая лингвистика не способна решать конкретные экспертные задачи. В частности, по мнению К.И. Бринева научная категория «факт» практически в ней отсутствует, вместо этого имеется так называемый «материал» (Бринев 2009: 15).

Когда речь идет о судебной лингвистической экспертизе, указанные признаки (эвристический, инициативный, изыскательский характер) не могут присутствовать в принципе, поскольку данный феномен ограничен жесткими рамками процессуального законодательства. Для раскрытия его сущности обратимся к нормам права.

В соответствии со ст. 9 Федерального Закона от 31 мая 2001 г. N 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (далее – ФЗ «О

ГСЭД») судебная экспертиза – предусмотренное законодательством Российской Федерации о судопроизводстве процессуальное действие, включающее в себя проведение исследований и дачу заключения экспертом по вопросам, требующим специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла (<https://clck.ru/hGjZv>).

Гражданский процессуальный кодекс РФ в ч. 1 ст. 79 и Кодекс об административных правонарушениях РФ в ч. 1 ст. 26.4 устанавливают назначение экспертизы при возникновении в процессе рассмотрения дела вопросов, требующих специальных знаний в различных областях науки, техники, искусства, ремесла (<https://clck.ru/DDzqf>).

Согласно ч. 1 ст. 77 Кодекса административного судопроизводства РФ и части 1 статьи 82 Арбитражного процессуального кодекса РФ назначение экспертизы лаконично обусловлено возникновением вопросов, требующих специальных знаний (<https://clck.ru/EcSYf>).

Хотим отметить, что в уголовном процессе вопрос назначения экспертизы не регламентирован Уголовно-процессуальным кодексом РФ. Руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации призваны разрешить правовой пробел в вопросе назначения экспертизы. Согласно п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. №28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» обращено внимание судов на необходимость наиболее полного использования достижений науки и техники в целях всестороннего и объективного исследования обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, путем производства судебной экспертизы во всех случаях, когда для разрешения возникших в ходе судебного разбирательства вопросов требуется проведение исследования с использованием специальных знаний в науке, технике, искусстве или ремесле (<https://clck.ru/auaYY>).

Из определений, данных лингвистической экспертизе и судебной лингвистической экспертизе, мы можем сделать вывод, что между указанными экспертизами недопустимо ставить знак равенства. Они отличаются по задачам, методам и методикам, статусу субъекта исследования, объектам исследования.

Задачей лингвистической экспертизы в широком смысле слова является получение новых знаний о языке, задачей судебной лингвистической экспертизы является не познание нового явления, а использование в ходе судебного разбирательства научно признанных знаний о речи и языке для решения проблемных ситуаций. Мы поддерживаем мнение К.И. Бринева, что задачи эксперта-лингвиста ограничены «способностью/неспособностью лингвистики описывать конкретную группу фактов» (Бринев 2013: 34). Следует также согласиться с указанным автором, который, ссылаясь на К. Поппера, утверждает, что в любой теории неизбежны неопределяемые термины, ведь определение термина предполагает бесконечный регресс в процессе определения (Бринев 2011: 395). Лингвист-эксперт пытается установить, какое определение истинно. Применительно к оскорблению это означает, что обсуждается вопрос о том, когда же имел место реальный факт оскорбления: а) когда говорящий хотел оскорбить и слушающий оскорбился, б) когда говорящий не хотел

оскорбить, но слушающий оскорбился, в) когда говорящий хотел оскорбить, а слушающий не оскорбился» (Бринев 2011: 397), то есть выясняется, что именно из указанных вариантов следует назвать словом «оскорбление». При проведении лингвистической экспертизы речевого произведения на предмет наличия или отсутствия в его содержании признаков экстремизма поставленной перед экспертом-лингвистом задачей является, как верно указывает Л.В. Коростелева, «выявление фактов, свидетельствующих о наличии или отсутствии в содержании речевого произведения признаков вербальной экстремистской деятельности» (Коростелева 2015: 20). Следовательно, в обоих примерах авторы приходят к выводу о том, что перед экспертом-лингвистом в суде ставится задача установления конкретного факта.

С особенностями задач судебной лингвистической экспертизы связаны и особенности методов судебной лингвистической экспертизы: это не методы научного исследования, а сплав практики и науки. К ним предъявляются специальные требования.

Прежде всего, отметим, что ни ФЗ «О ГСЭД», ни положениями процессуального законодательства, регулирующего вопросы назначения и производства судебной экспертизы, не предусмотрена регистрация в каком-либо органе или учреждении методов и (или) методик экспертного исследования, используемых при производстве судебных экспертиз. В соответствии с ч. 6 ст. 11 ФЗ «О ГСЭД» государственные судебно-экспертные учреждения одного и того же профиля осуществляют деятельность по организации и производству судебной экспертизы на основе единого научно-методического подхода к экспертной практике, профессиональной подготовке и специализации экспертов (<https://clck.ru/auaYU>).

Другими словами, для метода и (или) методика, которые были избраны экспертом, достаточно признания специалистами практической деятельности или соответствующей отрасли знаний, не требуется их регистрация где-либо (Ефремов 2013: 51). Считаем, что применительно к судебной лингвистической экспертизе указанная норма закона означает, что её методы и методики должны быть признаны подавляющим большинством специалистов, осуществляющих производство лингвистических экспертиз.

Важным требованием к методам судебной лингвистической экспертизы является законность. Законность вообще является системообразующим методологическим принципом судебной лингвистической экспертизы, который предопределяет выбор алгоритмов и приемов исследования. В свете приведенных выше ссылок на нормы законодательства при раскрытии понятия «судебная экспертиза» очевидно, что в судебной лингвистической экспертизе требование законности реализуется при проведении экспертизы независимым экспертом, обладающим специальными познаниями в науке лингвистике. Сведения о том, какие методы и методики были использованы при проведении экспертизы, дают возможность воспроизвести экспертное исследование и делают возможным лицу, назначившему экспертизу, проверить их допустимость для целей судопроизводства, оценить всесторонность, полноту и объективность экспертизы, достоверность полученных результатов.

Другим основным требованием является научность, предполагающая повторяемость результата исследования при использовании одинаковых методов исследования разными экспертами (Галяшина 2021: 23). Кроме того, научность означает опору на результаты научных исследований и исключает возможность субъективного толкования результатов исследования. Требование научности закреплено в абзаце 2 с. 8 ФЗ «О ГСЭД», согласно которой заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных (<https://clck.ru/auaYY>). Научность обеспечивает объективность, всесторонность и полноту исследований, которые являются требованиями, предъявляемыми к деятельности эксперта согласно ФЗ «О ГСЭД».

Е.Р. Россинская относит к значимым требованиям также эффективность, предполагающую достижение цели за минимальное время, и пригодность применения метода в конкретных условиях решения поставленной перед экспертом задачи (Россинская 2017: 85).

Считаем необходимым осветить основные требования к методам судебной экспертизы, закреплённые в уголовно-процессуальном законодательстве. Согласно п. 3 ч. 4 ст. 57 УПК РФ эксперт не вправе проводить без разрешения дознавателя, следователя, суда исследования, могущие повлечь полное или частичное изменение внешнего вида или основных свойств объектов (<https://clck.ru/ZEO2Z>). На первый взгляд, указанное требование не имеет отношения к лингвистической экспертизе, однако попробуем поспорить с данным утверждением. Применительно к лингвистической экспертизе данная норма права означает запрет применения методов, изменяющих смысл текста как объекта судебной лингвистической экспертизы. К таким методам относятся метод синонимических преобразований, метод ассоциативного эксперимента, прием объединения нескольких текстов в сложный отдельный текст, метод реферирования. Считаем, что указанный запрет не влечет исключение из объектов судебной лингвистической экспертизы креолизованных текстов, структура которых «включает в себя вербальный и иконический элемент, объединяющие информацию в единое целое» (Безбородова, Коростелева 2019: 160), поскольку иллюстративный элемент задает контекст вербального элемента. Убеждены, что запрет не распространяется и на тексты-конгломераты, к которым можно отнести переписку в мессенджерах мгновенных сообщений, поскольку в данном случае тексты-сообщения создаются самими авторами, а не механически соединяются экспертами, в результате чего возможно установить принадлежность каждой части сообщения к единому коммуникативному целому с использованием криминалистического подхода установления целого по частям.

Не ограниченный жесткими процессуальными рамками, лингвист-ученый всегда является инициатором проводимого им научного исследования, в то время как инициатором судебной лингвистической экспертизы, в зависимости от особенностей процессуальной деятельности, выступает иное лицо (суд, следователь, сторона правового спора). Для

судебной лингвистической экспертизы, в отличие от экспертизы в широком смысле этого слова, характерно наличие обязательного юридического основания для производства, каковым может служить определение суда либо постановление лица, производящего дознание, производство по делу об административном правонарушении, или следователя. Считаем, что к особенностям статуса эксперта, осуществляющего судебную лингвистическую экспертизу, следует отнести закрепленный в ст. 16 ФЗ «О ГСЭД» запрет на разглашение сведений, которые стали ему известны в связи с производством судебной экспертизы, в том числе сведения, которые могут ограничить конституционные права граждан, а также сведения, составляющие государственную, коммерческую или иную охраняемую законом тайну (<https://clck.ru/hGjcx>). Вместе с тем следует признать, что законодатель не поясняет, что конкретно следует относить к разглашению сведений. С одной стороны, запрет на разглашение сведений экспертом закреплен в ч. 2 ст. 85 ГПК РФ, ч. 6 ст. 49 КАС РФ, ч. 5 ст. 57 УПК РФ, но санкций за нарушение указанного запрета данным нормативно-правовыми актами не установлено. С другой стороны, запрет на разглашение сведений экспертом отсутствует в АПК РФ и в КоАП РФ. На основании изложенного нам представляется, что правовой статус судебного эксперта-лингвиста требует уточнения в целях соблюдения принципа равенства всех перед законом. В российском законодательстве предусмотрена уголовная ответственность за разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну, данных предварительного расследования, за нарушение неприкосновенности частной жизни. При этом статус эксперта не влечет специальных правовых последствий для нарушителя запрета.

С понятием статуса эксперта-лингвиста неразрывно связана норма ст. 307 Уголовного Кодекса РФ (далее – УК РФ), согласно которой он несет уголовную ответственность за заведомо ложное заключение или показание в суде или в ходе досудебного производства (<https://clck.ru/E3U3k>). Процессуальными нормами предусматривается обязательное предупреждение эксперта об этом, отсутствие письменной расписки эксперта о таком предупреждении влечет недопустимость использования его заключения и (или) показания в качестве доказательства. Целью введения нормы ст. 307 УК РФ является предупреждение недобросовестного отношения судебного эксперта к выполнению возложенных на него обязанностей. Однако мы вынуждены констатировать, что формулировка нормы ст. 307 УК РФ фактически исключает возможность привлечения лица к уголовной ответственности, поскольку предусматривает ответственность только при доказанности наличия у него умысла на дачу ложного заключения и (или) показания и не предусматривает уголовной ответственности за ошибочное заключение эксперта. Доказывание умысла, то есть отсутствия ошибки, добросовестного заблуждения эксперта, полагающего, что он мыслит и действует правильно, зачастую невозможно. Тем более что, несмотря на использование надлежащих научных методов, даже высококвалифицированный специалист иногда не в состоянии добиться успеха ввиду некачественности или неполноты представленных на экспертизу материалов и других причин. Считаем, что в таких случаях этичным будет вывод

о невозможности решения поставленного вопроса. В противном случае существует опасность возникновения ситуации, описанной А.Д. Черновым в пособии «Экспертизы – нерешенный вопрос российского правосудия», когда одним и тем же экспертом Краснодарской лаборатории судебной экспертизы МЮ РФ при исследовании одной и той же книги «Свидетельствуем о Царстве Бога» на предмет признания ее экстремистским информационным материалом было дано два противоположных заключения по двум разным делам. Данный факт был установлен в судебном заседании и послужил поводом к назначению повторной экспертизы (Цит. по: Симонов 2013: 12).

Исходя из изложенного следует согласиться с К.И. Бриневым в том, что «экспертиза, с одной стороны, – процессуальное действие, предназначенное для установления фактов с целью разрешения дела по существу, с другой стороны, экспертиза является исследованием, которое позволяет или не позволяет установить эти факты. С первой стороны экспертиза – вид деятельности, регулируемый процессуальными нормами, предметом регулирования которых являются общественные отношения, складывающиеся в сфере отправления правосудия. Со второй стороны в экспертизе нет ничего юридического, в ней используются научные теории, которые описывают фрагменты реальности, изучение которых входит в предмет конкретной науки, то есть в ней используются научные теории и специально созданные методики, направленные на решение конкретных исследовательских задач. Таким образом, выделенные стороны экспертного исследования, в общем, независимы друг от друга» (Бринев 2009: 13). Поскольку судебная лингвистическая экспертиза – это в первую очередь процессуальное действие, квалифицированная подготовка, проведенная судом перед назначением экспертизы, исключит проведение повторных и дополнительных экспертиз. А это в свою очередь позволит суду рассмотреть дело в сроки и принять по делу законный и обоснованный судебный акт. Для достижения этих важных с точки зрения правосудия целей считаем актуальным в рамках настоящей работы провести разграничение лингвистического и юридического уровней в судебной лингвистической экспертизе, что обеспечит соответствие результата исследования требованиям относимости, допустимости и достоверности, предъявляемым законом к доказательству.

Судебная лингвистическая экспертиза, по определению Е.И. Галяшиной, это «процессуально регламентированное исследование высказывания или текста, завершающееся дачей письменного заключения по вопросам, разрешение которых требует применения специальных лингвистических знаний, которая востребована по широкому спектру дел в уголовном, гражданском судопроизводстве, по делам об административных правонарушениях. Это – оскорбление, клевета, призывы к экстремистским действиям, вымогательство, мошенничество, возбуждение национальной или религиозной ненависти или вражды, незаконная реклама и пропаганда наркотиков и т.п.» (Галяшина 2013: 32).

Таким образом, сущность судебной лингвистической экспертизы раскрывается через понятие специальных лингвистических знаний. Понятие «специальные знания» используется в диспозициях ст.ст. 57, 58 УПК РФ, определяющих процессуальное положение сведущих

лиц (эксперта и специалиста), однако ни ст. 5 указанного нормативно-правового акта, содержащая основные понятия, используемые в кодексе, ни какие-либо другие нормативно-правовые акты расшифровку исследуемой дефиниции не дают. Гражданский процессуальный кодекс РФ (ст. 79) и Федеральный закон «О ГСЭД» (ст. 9) указывают на состав специальных знаний, закрепляя то, что судебная экспертиза проводится по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний в области науки, техники, ремесла или искусства (<https://clck.ru/hGjde>). Однако подобная трактовка специальных знаний представляется неприемлемой в силу необоснованного сужения их сфер. Считаем, что следует согласиться с А.Ю. Гарашко, что правоприменителю могут потребоваться сведения и умения, относящиеся не только к науке, искусству, технике или ремеслу, но и, например, к спорту, обычаям или коллекционированию. (Гарашко 2011: 17). На наш взгляд данная позиция вполне справедлива, так как согласно толковому словарю под термином «специальный» как раз и понимается «особый, исключительно для чего-нибудь предназначенный; относящийся к отдельной отрасли чего-нибудь, присущий той или иной специальности».

Поиск ответов в данной ситуации является необходимым как для судебной практики, призванной содействовать решению задач судопроизводства на единых правовых основаниях, так и для теории, особенно ввиду существующего в специальной литературе различия взглядов на характеристику понятия «специальные знания» и конкретных его носителей в уголовном и гражданском процессе.

Согласно определению Е.И. Галяшиной под специальными знаниями традиционно понимаются «знания, полученные в результате профессионального образования (обучения) и практического опыта, выходящие за рамки общеобразовательной подготовки и житейского опыта, знания, не являющиеся общеизвестными и общедоступными, не имеющие всеобщего, массового распространения, которыми располагает ограниченный круг сведущих людей, получивших специальную подготовку» (Галяшина 2021: 23).

Очевидно, что в результате влияния научных знаний на повседневную жизнь людей и развития общества соотношение общеизвестных и специальных знаний постоянно меняется. Так, поскольку в Интернете сейчас можно найти практически любую информацию по интересующему вопросу, постольку сфера обыденных знаний обогащается, а сфера специальных знаний дифференцируется. Знания о каком-либо процессе, явлении, предмете становятся системными и доступными всё более широкому кругу лиц.

Одновременно с этим происходит и обратный процесс. В связи с более глубоким научным познанием предметов, процессов и явлений на первый взгляд обыденные представления о них отвергаются, возникают новые научные обоснования, приобретающие характер специальных знаний.

При анализе характера требуемых знаний к специальным лингвистическим знаниям нельзя отнести обыденные знания о языке, которые имеет его носитель, владеющий и пользующийся языком в повседневном общении. Другими словами, если для понимания

прямых значений тех или иных русских слов достаточно открыть словарь современного русского языка, то для этого не требуется назначения экспертизы, поскольку это не специальные, а общеизвестные, то есть обывденные языковые знания. Таким образом, когда смысловое содержание текста понимается однозначно, исходя из денотативных значений слов, зафиксированных в энциклопедиях, толковых словарях и справочниках, специальные лингвистические знания не требуются. Это привело к тому, что стороны судебного спора и профессиональные правоприменители неоправданно часто стали обращаться за помощью к лингвистам, ставя перед ними задачу толкования и интерпретации слов русского языка. Г.М. Резник, размышляя о лингвистической экспертизе, отмечает: «Сейчас, пожалуй, нет ни одного дела о криминализированных словах – клевете, оскорблении, возбуждении национальной или религиозной вражды, призывах к экстремистской деятельности, – по которым не назначалась бы лингвистическая экспертиза. «Специальные познания», о необходимости которых заявляют следователи и судьи, содержатся в двух-трех словарях русского языка. И можно только присоединиться к А.Н. Баранову, когда он честно констатирует, что значительная часть лингвистических экспертиз посвящена доказательству очевидного» (Резник 2007: 4). Обоснованный скепсис у ученых-лингвистов вызывают юристы, требующие научного разъяснения очевидных по смыслу высказываний («да, значит, некий, похитил»). Считаем, что во избежание подобных ситуаций назначать и проводить судебную лингвистическую экспертизу следует только в тех случаях, когда юрист не может без лингвиста решить, нарушают ли определенную правовую норму те или иные слова или речевые действия.

Е.А. Галяшина отмечает и иную проблему: правоприменитель, находясь часто в условиях неопределенности правовых категорий, считает возможным переложить ответственность в решении вопроса о признании или непризнании речевого действия правонарушением на экспертов-лингвистов, а эксперты часто не способны выявить лингвистический диагностический комплекс признаков того или иного криминогенного речевого действия» (Галяшина 2021: 15). Можем согласиться с Е.А. Галяшиной в том, что указанная проблема существует, и считаем, что она требует решения общими усилиями лингвистов и юристов.

Экспертное исследование актуально, когда контекст не снимает языковой неопределенности, не позволяет однозначно оценить смысл слова или высказывания – если речь насыщена неологизмами, ассоциациями и оценочными коннотациями, идиомами, метафорами, намеками, жаргонизмами, иносказаниями, если она имеет сложную стилистическую или структурную организацию. При этом задача эксперта заключается в выявлении смысла текста путем тщательной аналитической работы, извлечении из контекста и подтекста, намеков и вопросов, разоблачении приемов манипулирования сознанием респондентов. Именно в таких случаях требуется профессиональная работа эксперта, его тщательная исследовательская работа, требуется привлечение профессиональных экспертных знаний и современных технологий экспликации текста и его декомпозиции.

Роль научной основы специальных лингвистических знаний, доказавших свою бесспорность и состоятельность, играют общепринятые научно обоснованные положения теоретической и прикладной лингвистики. Они являются постулатами, которые не подвергаются сомнению и составляют фундамент, на котором развивается знание о речи и языке как базис судебной лингвистической экспертизы. Специальные знания о русском языке, культуре, литературе, о русском народе и его истории также входят в этот фундамент.

Совокупность указанных специальных знаний у судебного эксперта-лингвиста – это необходимое условие производства экспертизы, костяк, на котором формируются экспертно-лингвистические навыки и умения. Эти компетенции определяют границы экспертной специальности в рамках профессиональной подготовки экспертов.

Таким образом, в лингвистическом аспекте под лингвистической экспертизой понимается прикладное языковое исследование, зафиксированное в письменной или устной форме. В юридическом аспекте лингвистическая экспертиза – это предусмотренное законодательством Российской Федерации процессуальное действие, включающее в себя проведение исследований и дачу заключения экспертом по вопросам, требующим специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла. Задачей лингвистической экспертизы на лингвистическом уровне является получение новых знаний о языке, а на юридическом уровне – использование в ходе судебного разбирательства научно признанных знаний о речи и языке для решения проблемных ситуаций. К общим требованиям, предъявляемым к методам лингвистической экспертизы на лингвистическом уровне (общепризнанность и единство научно-методического подхода) на юридическом уровне добавляются законность и эффективность. Оценивая различия в статусе субъекта исследования на лингвистическом и юридическом уровне, мы пришли к выводу, что инициатором проводимого научного исследования всегда является лингвист-ученый, в то время как инициатором судебной лингвистической экспертизы, в зависимости от особенностей процессуальной деятельности, всегда выступает иное лицо (суд, следователь, сторона правового спора).

ЛИТЕРАТУРА

Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. М.: Флинта: Наука, 2009.

Безбородова Ю.В., Коростелева Л.В. Креолизованный текст в структуре пропагандистского дискурса // Политическая лингвистика. 2019. №6. С. 159-163.

Бринев К. И. Справочник по судебной лингвистической экспертизе. М.: Книжный дом Либроком, 2013.

Бринев К.И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза. Барнаул: АлтГПА, 2009.

Бринев К.И. Теоретический принцип эссенциализма при описании оскорбления в юридической лингвистике // Культура и текст. 2011. №12. С. 394-412.

Бринев К.И. Теоретический принцип эссенциализма при описании оскорбления в юридической лингвистике // Культура и текст. 2011. №12. С. 395.

Галяшина Е.И. Ошибки судебной лингвистической экспертизы. Экспертизы – нерешенный вопрос российского правосудия. М.: ФЗГ, 2013.

Галяшина Е.И. Судебная лингвистическая экспертиза. М.: Проспект, 2021.

Гарашко А.Ю. Некоторые аспекты отнесения знаний к специальным в уголовном процессе // Мировой судья. 2011. №4. С. 16-19.

Голев Н.Д. Об объективности и легитимности источников лингвистической экспертизы // Юрислингвистика. 2002. №3. С. 15-30.

Ефремов И.А. Некоторые заблуждения о судебной экспертизе при осуществлении уголовного судопроизводства // Евразийская адвокатура. 2013. №3 (4). С. 47-51.

Кара-Мурза Е.С. Лингвистическая экспертиза как процедура политической лингвистики // Политическая лингвистика. 2009. №27. С. 47-71.

Коростелева Л.В. Экстремистский дискурс: признаки, иллокуция, прагматика // Юрислингвистика. 2015. №4. С. 19-27.

Коростелева Л.В. Экстремистский дискурс: признаки, иллокуция, прагматика // Юрислингвистика. 2015. №4(15). С. 19-27.

Резник Г.М. Предисловие юриста // Лингвистическая экспертиза текста. Теоретические основания и практика. М., 2007. С. 4.

Россинская Е.Р. Эффективность судебно-экспертной деятельности сквозь призму судебной экспертологии // Вестник Московского университета МВД России. 2017. №2. С. 85-90.

Россинская Е.Р., Зинин А.М. История становления и развития института судебной экспертизы в России // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2015. №12. С. 18-37.

Симонов А.К. Экспертизы – нерешенный вопрос российского правосудия: Пособие для судей, а также начинающих юристов, журналистов и правозащитников. М.: Фонд защиты гласности, 2013.

REFERENCES

Baranov, A.N. (2009). Lingvisticheskaya ekspertiza teksta: teoriya i praktika. Moscow. (in Russian).

Bezborodova, Yu.V., & Korosteleva, L.V. (2019). Kreolizovannyi tekst v strukture propagandistskogo diskursa. *Politicheskaya lingvistika*, (6), 159-163. (in Russian).

Brinev, K. I. (2013). Spravochnik po sudebnoi lingvisticheskoi ekspertize. Moscow. (in Russian).

Brinev, K.I. (2009). *Teoreticheskaya lingvistika i sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza*. Barnaul. (in Russian).

Brinev, K.I. (2011). Teoreticheskii printsip essentsializma pri opisani oskorbleniya v yuridicheskoi lingvistike. *Kul'tura i tekst*, (12), 394-412. (in Russian).

Brinev, K.I. (2011). Teoreticheskii printsip essentsializma pri opisani oskorbleniya v yuridicheskoi lingvistike. *Kul'tura i tekst*, (12), 395. (in Russian).

Galyashina, E.I. (2013). Oshibki sudebnoi lingvisticheskoi ekspertizy. Ekspertizy – nereshennyi vopros rossiiskogo pravosudiya. Moscow. (in Russian).

Galyashina, E.I. (2021). *Sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza*. Moscow. (in Russian).

Garashko, A.Yu. (2011). Nekotorye aspekty otneseniya znani k spetsial'nym v ugovnom protsesse. *Mirovoi sud'ya*, (4), 16-19. (in Russian).

Golev, N.D. (2002). Ob ob"ektivnosti i legitimnosti istochnikov lingvisticheskoi ekspertizy. *Yurislingvistika*, (3), 15-30. (in Russian).

Efremov, I.A. (2013). Nekotorye zabluzhdeniya o sudebnoi ekspertize pri osushchestvlenii ugovnogo sudoproizvodstva. *Evraziiskaya advokatura*, (3 (4)), 47-51. (in Russian).

Kara-Murza, E.S. (2009). Lingvisticheskaya ekspertiza kak protsedura politicheskoi lingvistiki. *Politicheskaya lingvistika*, (27), 47-71. (in Russian).

Korosteleva, L.V. (2015). Ekstremistskii diskurs: priznaki, illokutsiya, pragmatika. *Yurislingvistika*, (4), 19-27. (in Russian).

Korosteleva, L.V. (2015). Ekstremistskii diskurs: priznaki, illokutsiya, pragmatika. *Yurislingvistika*, (4(15)), 19-27. (in Russian).

Reznik, G.M. (2007). Predislovie yurista. In *Lingvisticheskaya ekspertiza teksta. Teoreticheskie osnovaniya i praktika*, Moscow. 4. (in Russian).

Rossinskaya, E.R. (2017). Effektivnost' sudebno-ekspertnoi deyatel'nosti skvoz' prizmu sudebnoi ekspertologii. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, (2), 85-90. (in Russian).

Rossinskaya, E.R., & Zinin, A.M. (2015). Istoriya stanovleniya i razvitiya instituta sudebnoi ekspertizy v Rossii. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina*, (12), 18-37. (in Russian).

Simonov, A.K. (2013). Ekspertizy – nereshennyi vopros rossiiskogo pravosudiya: Posobie dlya sudei, a takzhe nachinayushchikh yuristov, zhurnalistov i pravozashchitnikov. Moscow. (in Russian).

© Хомиченко О.В., 2022